

ПРОЕКТ ЕС – АФРИКА: ИЗМЕНЕНИЕ СТРАТЕГИИ В УСЛОВИЯХ КОНКУРЕНЦИИ

Ольга ТРОФИМОВА, Николай ПОДЧАСОВ, Александр КУЛИНИЧ
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН

Аннотация: Цель данной работы – выявить изменения приоритетов африканской стратегии ЕС, стремящегося сохранить свои позиции континенте в условиях конкуренции со стороны таких акторов, как США и Китай, а также проследить эволюцию форматов связей и влияния интеграционных процессов на модель отношений ЕС – Африка. Авторы используют междисциплинарный подход, комплексный историко-описательный, или нарративный, метод и сравнительный анализ для определения новых трендов в сотрудничестве ЕС со странами Африки. В их числе – переход к мультилатерализму и регионализации; задействование элементов интеграции и внешней европеизации как сближения процедур, практик и норм при реализации новых проектов сотрудничества в Африке; использование инструментов «мягкой силы»; декларирование «равноправия партнеров»; политизация взаимодействия ЕС – Африка. Но эффективность европеизации – переноса европейской системы ценностей и строительства демократии в африканских странах с другими цивилизационными нормами – весьма ограничена, поэтому страны ЕС следуют институциональной логике в отношениях с ними. Авторы отмечают, что процессы региональной интеграции в Африке – один из результатов углубления взаимосвязей при сохраняющейся их асимметрии и важное отличие проекта ЕС – Африка от других моделей взаимодействия. Асимметрия проявляется в экономических отношениях (торговые соглашения), признании «равноправности» партнеров,

Ольга Ефимовна Трофимова – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник сектора исследований Европейского союза, Центр европейских исследований, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.
ORCID: 0000-0001-8788-5064. E-mail: olgatrofimova53@mail.ru
117997, Москва, ул. Профсоюзная, д. 23.

Николай Алексеевич Подчасов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора исследований Европейского союза, Центр европейских исследований, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.
ORCID: 0000-0003-3075-9651. E-mail: nickpodchasov@yandex.ru
117997, Москва, ул. Профсоюзная, д. 23.

Александр Дмитриевич Кулинич – младший научный сотрудник сектора исследований Европейского союза, Центр европейских исследований, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.
ORCID: 0009-0003-2753-8476. E-mail: kulinich.a.d@my.mgimo.ru
117997, Москва, ул. Профсоюзная, д. 23.

Поступила в редакцию: 11.07.2024

Принята к публикации: 30.09.2024

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития №075-15-2024-551 «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве».

различных позициях в новом мировом порядке и внутристрановых условиях развития, а также финансовых и кадровых возможностях стран Африки. Не менее актуальным является анализ усиливающейся конкуренции ЕС с США и Китаем в Африке, выявление специфики их связей с континентом, перспектив развития сотрудничества ЕС с Африкой в новых условиях и возможной неэффективности очередного проекта ЕС – Африка.

Ключевые слова: Европейский союз, стратегия, равноправие партнеров, регионализация, интеграционные процессы, торговля, инвестиции, помощь развитию, конкуренция, США, Китай

Введение

Отношения ЕС с африканским континентом остаются приоритетным направлением его внешнеэкономической и внешнеполитической стратегий и состоят из двух блоков: 1) сотрудничество с государствами Африки южнее Сахары в рамках Ломейских конвенций, а также соглашений Котону и Сомао; 2) взаимодействие с Северной Африкой. В обмен на доступ к природным ресурсам и ряду товаров, а также льготные условия для инвестиций африканским государствам были предложены торговые преференции и помощь в развитии. Эти связи были институционализированы посредством соглашений об экономическом партнерстве (*EPAs*) с государствами Африки, бассейнов Карибского моря и Тихого океана (АКТ). Иными словами, это был более широкий формат взаимодействия, в котором Африке отводилась приоритетная роль.

Под влиянием экономических и социально-политических изменений в Европе (включая расширение ЕС) и Африке южнее Сахары, а также общемировых тенденций, таких как глобализация и регионализация, система отношений постепенно трансформировалась. Традиционный двусторонний подход перестал быть преобладающим, появился многосторонний формат взаимодействия. Модель «государство с государством» сменилась на более глобальную систему «континент с континентом», в рамках которой развиваются связи ЕС с региональными объединениями в Африке.

Вторым направлением африканской стратегии ЕС стали отношения с государствами Северной Африки. Благодаря их выгодному географическому положению, наличию значительных запасов энергоресурсов и более высокому уровню экономического развития проведение средиземноморской политики оказалось успешнее. В целом же результативность проектов ЕС в Африке оставалась низкой, для сохранения влияния на континенте требовался их перезапуск. Отношения ЕС – Африка изначально характеризовались асимметричностью и до сих пор представляют собой «неравноправное партнерство», которое Европейский союз с помощью постоянно меняющихся механизмов пытается представить как «равноправное». Как результат – бюрократизированная и малоэффективная система связей, не отвечающая современным реалиям.

Африканская политика США претерпела изменения после распада колониальной системы, но интерес к континенту как важному поставщику энергетических и других ресурсов не ослабевает. Они остаются активным игроком в Африке, используют точечный селективный подход для сохранения и продвижения своих экономических и политических интересов. США развивают связи с континентом в рамках Глобальной программы помощи в разных сферах, используют схожие с ЕС инструменты, такие как размещение военных контингентов, увязывание финансовой поддержки с выполнением выгодных для себя условий. США заинтересованы в сохранении партнерства, содействии демократии и безопасности на континенте, однако на фоне экономического кризиса им приходится рассчитывать скорее на свою дипломатию, чем на новые серьезные расходы.

Китай же стремится установить контроль над сырьевыми активами, диверсифицирует свою деятельность, выигрывает тендеры на крупные инфраструктурные проекты, предлагает льготные кредиты на более привлекательных условиях, инвестирует в промышленность континента. Китайская модель имеет ряд особенностей, что помогает успешно конкурировать с западной, опирающейся на традиционные механизмы.

В ответ на обозначенные вызовы Европейский союз предпринимает попытки усовершенствовать систему отношений с государствами континента, привнести в нее новые элементы; используя современные механизмы, содействовать развитию африканских стран при наименьших затратах и с привлечением последних к решению своих проблем.

Все три актора используют разные модели «мягкой силы» для того, чтобы конкурировать в Африке, не прибегая к насилию. Будучи наднациональной структурой, ЕС обладает совокупным экономическим и политическим потенциалом, представляет собой многокультурное общество и сам по себе является источником «мягкой силы», посредством которой распространяются европейские этические, политические и гуманитарные ценности. США же в целях продвижения своих интересов в Африке дополняют «мягкую силу» «жесткой», основанной на экономических и военных преимуществах. В свою очередь, китайская концепция «мягкой силы» базируется на ценностях социализма и традиционной национальной культуры; центральное место в ней занимает образование, одно из важных конкурентных преимуществ развития экономики, также призванное преодолеть возможные культурно-политические различия в отношениях с государствами Африки.

В ответ на усиление конкуренции в Африке изменилось и концептуальное видение системы отношений ЕС – Африка. Историками П. Хансеном и С. Джонсоном была обнаружена связь между колониализмом и европейской интеграцией. Она получила развитие в геополитической концепции «Еврафрика», изложенной в книге *“Eurafrica. Untold History of European Integration and Colonialism”* (Hansen & Jonsson, 2015). Авторы связывали усилия по объединению Европы с ее действиями по деколонизации в Африке из-за ослабления европейских держав после Второй мировой войны и позиций

США и СССР, выступавших против колониализма, и созданием новой системы взаимосвязей между двумя континентами. Европе не хватало природных ископаемых для превращения в важное экономическое и политическое объединение, обладающее колониями, обеспечивающими ее сырьем, дешевой сельхозпродукцией и рабочей силой. В 1950-е гг. теория оказала большое влияние на евроинтеграцию, так как существовала прямая связь между историей колониализма и историей европейской интеграции, а сама идея Еврафрики подразумевала реализацию евроинтеграции через совместную эксплуатацию Африки. В Римском договоре 1957 г. были закреплены особые отношения ЕЭС с бывшими колониями (ст. 131), и проект ЕЭС первое время воспринимался его создателями (Р. Шуман, К. Аденауэр, Ж. Монне и др.) как строительство Евроафрики, означавшей на деле «систему коллективного колониализма». В 1963 г. после создания Организации африканского единства (ОАЕ) процессы деколонизации были поставлены под международный контроль. В Лиссабонской декларации (декабрь 2007 г.) подчеркивалась необходимость расширения сотрудничества двух континентов в условиях усиления их взаимозависимости.

До 2000-х гг. теоретическое обоснование проекта ЕС – Африка основывалось на концепциях развития экономики, а также теориях деvelopeментализма, среди которых теория преобразования экономически слаборазвитых стран в развитые капиталистические (Amin, 1997; Мюрдаль, 1972), теории периферийного капитализма (Prebisch, 1976; Singer, 1975, Furtado, 1974) и сравнительных преимуществ (Рикардо, 2008).

Ослабление экономических позиций Европейского союза на фоне активного роста Китая и ряда стран с быстро развивающейся экономикой (Юго-Восточная Азия и Ближний Восток), несоответствие имеющихся у объединения операционных возможностей потребностям стран Африки, различия в интересах и культурно-цивилизационных ценностях привели к изменению концептуального подхода к взаимосвязям ЕС – Африка. Стали преобладать теории интерговернментализма (Milward, 1992), объясняющие интеграционные процессы внутри объединения и применимые к внешней политике африканских государств. Они дополнили подходы исторического институционализма и неоинституционализма, в которых центральное место занимали концепции «зависимости от предшествующего развития» (*path dependency*) и «политики наследия» (*policy legacy*), объясняющие динамику отношений ЕС – Африка (Thelen, Steinmo & Longstreth, 1992; Pierson, 2003). В целом наметилась тенденция перехода от проекта «Еврафрика» к новой системе партнерских взаимосвязей «Афро-Европа», общей заинтересованности в них обоих континентов.

Модель ЕС – АКТ и Евро-средиземноморское партнерство до 2000-х гг.

Тема отношений Европы и Африки была достаточно глубоко изучена в работах советских ученых до 1990-х гг., хотя и несколько политизирована (Корендясов, 1969; Кириченко, 1974; Солодовников & Тарабрин, 1975). В 2000-х гг.

появился ряд исследований, в частности, Института Африки РАН, в которых взаимосвязи ЕС – Африка рассматриваются в условиях новых вызовов и с учетом изменений в африканских странах, развития европейской интеграции, а также усиления конкуренции со стороны других акторов (Абрамова, 2013; Подгорнова & Колкер, 1982; Васильев, 2012, Ткаченко & Кулькова, 2022). В работах других авторов также рассматриваются проблемы европейской интеграции и увязываются с отношениями с государствами Африки (Биссон, 2020).

Процессы европейской интеграции сыграли важную роль в формировании взаимосвязей между Африкой и ЕС. Можно выделить два направления их влияния: 1) построение особых отношений двух сторон с переносом элементов европейской интеграции, схожая институционализация этих связей, включение в них европейских ценностей (соблюдение прав человека, гендерное равенство, верховенство закона, борьба с коррупцией и др.); 2) процессы регионализации, появление дифференциации в системе связей ЕС – АКТ.

Проект ЕС – Африка прошел в своем развитии несколько этапов. В 1963 г. и в 1969 г. со странами Африки южнее Сахары были подписаны Яундские конвенции, направленные на развитие сотрудничества в рамках сложившейся постколониальной географии. Их содержание включало положения о прогрессивной отмене торговых тарифов, индустриализации и помощи развитию (Europe–Africa, 2019). Были созданы три института: Совет министров ЕС – АКТ (принимает решения), Комитет послов, состоящий из постоянных представителей этих стран (исполнительные и управленческие функции) и Совместная парламентская ассамблея (консультативный орган).

В 1975 г. была заключена 1-я Ломейская конвенция об установлении особых торговых отношений, ее подписали 9 стран ЕЭС и 46 стран АКТ. Она предусматривала свободный доступ почти всех товаров на рынки Сообщества, кроме чувствительных конкурирующих с сельским хозяйством ЕЭС и его текстильной промышленностью; готовая продукция стран ЕЭС подпадала под режим наибольшего благоприятствования (Europe–Africa, 2019). Были созданы Центр промышленного сотрудничества и Система стабилизации доходов от экспорта стран Африки, бассейна Карибского моря и Тихого океана (СТАБЕКС), компенсирующая потери для сельскохозяйственных товаров из стран АКТ.

В рамках 2-й Ломейской конвенции (1980–1985 гг.) 99,5% товаров стран АКТ ввозилось в ЕЭС беспошлинно, объем льготных кредитов из Европейского фонда развития (ЕФР) вырос, был создан Фонд стабилизации добывающей промышленности и экспорта минерального сырья (СИСМИН). В 3-й конвенции (1985–1990 гг.) приоритетное развитие промышленности сменилось на самодостаточное развитие и самообеспеченность, особенно в сфере продовольствия на фоне расширения ЕЭС на юг (в 1981 г. Греция, в 1986 г. Испания и Португалия). В 4-й конвенции (1990–2000 гг.) изменились условия предоставления помощи для соответствия требованиям рыночной экономики. Они коснулись управления госфинансами, что привело к уменьшению объема субсидий в странах АКТ (Europe–Africa, 2019).

Ломейские конвенции преподносились как особая система торгово-экономических отношений ЕС с развивающимися странами. По сути, они были неравноправными, если сравнивать макроэкономические показатели европейских и африканских государств, доходы на душу населения и социально-политическое устройство. Финансовые обязательства исполнялись с опозданием; кроме того, имело место несоответствие экономического потенциала АКТ финансовым возможностям Европейского союза. Доля ЕС в общей торговле сокращалась (с 2/3 в 1960 г. до 1/4 в 2011 г.) (Baier, 2019). В 1988 г. 1/2 экспорта АКТ в ЕС состояла из 10 товаров (Robertson, 2021). К 2000 г. доля стран АКТ в общем импорте ЕС снизилась с 7% до 3% в 1975–2000 гг. (Allen, 2002). Накопленные прямые иностранные инвестиции (ПИИ) из ЕС в странах Африки к концу 1999 г. составляли всего 39 млрд евро, или 3% от общей суммы¹. Впрочем, это был своего рода эксперимент с декларируемой целью защитить страны АКТ от последствий глобализации, оказать содействие их развитию: «Открылись возможности для развития крупных го-скомпаний, а потом и местного частного предпринимательства» (Никольская, Чкония & Победенный, 2024).

Значимым результатом стало ускорение региональной интеграции на континенте: «ЕС считает содействие региональной интеграции краеугольным камнем отношений с государствами, не являющимися его членами, и важным системообразующим элементом своей идентичности в качестве глобального актора» (Omolo, 2019). В 1975–2000 гг. в Африке были созданы региональные организации и континентальные, например, Африканский союз (АС), который Европейский союз считает полноценным актором, представляющим интересы всего континента. Более того, ЕС ведет с АС переговоры и заключает соглашения.

Отношения с Северной Африкой стали формироваться в 1960–70-е гг. Расположенные там государства имели разный статус: Ливия была итальянской колонией, Тунис и Марокко – протекторатами Франции до 1956 г., Алжир французы считали своей территорией до 1962 г. Египет чаще относят к ближневосточным странам, после постройки Суэцкого канала он превратился в скрытый протекторат Великобритании (Трофимова, 2011). Геополитически и географически в группу государств Южного Средиземноморья входили также Иордания, Ливан, Сирия, Турция, Ирак, а также Мальта и Кипр (до вступления в ЕС).

Евро-средиземноморское партнерство развивалось в несколько этапов: Глобальная средиземноморская политика; Барселонский процесс, или ЕВРОМЕД; Политика соседства; Союз для Средиземноморья. Появились элементы интеграции двух регионов в рамках «партнерского» сотрудничества благодаря комплексному подходу, включающему наряду с расширением

¹ Eurostat (2005) European Union foreign direct investment yearbook 2005. Data 1998–2003. Pocketbooks 2995 Edition. Available at: <https://ec.europa.eu/eurostat/en/web/products-pocketbooks/-/ks-bk-05-001> (accessed 4 November 2024).

экономических связей развитие отношений в политической и гуманитарной сферах, содействие демократизации, а также наметившееся формирование единого торгово-экономического пространства. Перечисленному препятствовали менее активные, чем в странах АКТ, процессы региональной интеграции.

Глобальная средиземноморская политика (*GMP*) предусматривала пятилетний период свободного таможенного режима, но на часть товаров он не распространялся (текстиль и сельхозпродукция). В 1980-е гг. двусторонние отношения дополнились многосторонним форматом. Расширение ЕЭС на юг привело к тому, что одни страны получили преференциальные соглашения, другие – соглашения об ассоциации, а третьи стали членами Сообщества. Избирательный подход негативно сказался на политике в регионе: произошло снижение объемов помощи из-за роста расходов на новые государства-члены.

В 1990-е гг. помимо расширения торговых преференций и увеличения инвестиций появились и другие инструменты финансового сотрудничества. Планировалось создать «ближневосточную экономическую зону» со свободным движением товаров, услуг, капиталов и трудовых ресурсов. Этот процесс шел на фоне создания единого внутреннего рынка ЕС, но завершен не был.

В середине 1990-х гг. увеличилась доля готовой продукции в экспорте отмеченных стран, стали формироваться совместные институты, однако процессы регионализации шли медленно, предпочтение отдавалось двусторонним связям с государствами – членами ЕС. В 1995 г. после подписания Барселонской декларации произошел сдвиг «от разрозненного «мозаичного» подхода к более конструктивной глобальной концепции в отношении средиземноморских стран, основанной на торговых, а позднее – и на финансовых инструментах» (Трофимова, 2011). Был заложен фундамент многостороннего партнерства ЕВРОМЕД.

2000-е гг.: соглашения Котону, Пост-Котону и Союз для Средиземноморья

В 2000 г. Ломейские конвенции сменило Соглашение Котону о торговле и помощи сроком на 20 лет с пересмотром каждые пять лет. Его подписание связано с разработкой новой модели отношений ЕС – АКТ и давлением со стороны международных финансовых и торговых организаций, настаивающих на правилах нового экономического порядка (общность интересов, пересмотр правил международной торговли, активизация участия развивающихся стран в мировой торговле и снижение барьеров в ней на взаимных условиях и др.) и соответствии правилам ВТО. Соглашение Котону менее выгодно для стран АКТ, поскольку содержит требование о взаимной отмене пошлин и либерализации торговли в соответствии с принципом «равноправного партнерства» (Europe-Africa, 2011). С 2007 г. страны АКТ могли заключать соглашения об экономическом партнерстве (СЭП), предполагавшие взаимную либерализацию торговли с ЕС в ближайшие 10–12 лет (экономически наименее развитые страны продолжили пользоваться односторонними преференциями

в экспорте). Усилилась политическая составляющая сотрудничества, выступавшая одним из трех столпов Соглашения наряду с торгово-экономическим партнерством и сотрудничеством в области развития. Среди декларируемых целей значились снижение уровня бедности, содействие интеграции стран АКТ в мировую экономику, повышение их конкурентоспособности.

Прежние форматы связей в Соглашении дополнились новыми принципами (участие частного сектора, неправительственных акторов; взаимная ответственность и исполнение принятых обязательств обеими сторонами; регионализация и дифференциация, подразумевающие разный подход в зависимости от потребностей, уровня развития и стратегий). В нем содержалось несколько инновационных положений: 1) увязывание помощи развитию с выполнением стандартов ЕС в политической сфере; 2) замена торговых преференций соглашениями о партнерстве в соответствии с правилами ВТО; 3) новый политико-институциональный формат, основанный на требованиях соблюдать права человека, иными словами обусловленность финансовых проектов политическим диалогом; 4) взаимная ответственность и исполнение принятых обязательств. Курс на разделение ответственности привел к увеличению числа стратегических документов и консультаций в рамках ЕС – АКТ (Robertson, 2021). Появились дорожные карты и техническая документация проектов, усложнилась процедура их одобрения в рамках ЕФР из-за бюрократизированности принятия решений.

Помощь развитию стала обуславливаться политическими приоритетами, что противоречило принципам действия ЕФР, а средства в основном шли в страны Африки, а не в государства Карибского региона (см. Табл. 1). В 2000–2020 гг. распределение средств ЕФР по регионам выглядело следующим образом: 76% из них направлялось в Африку, 15% – на региональное сотрудничество государств АКТ, 6% – в страны Карибского моря и 2% – в страны Тихого океана².

Таблица 1. Основные направления распределения средств ЕФР в 2000–2020 гг., млн евро и %³

Table 1. The main directions of EDF funds distribution in 2000–2020, EUR mln and %

	ЕФР-9 (2001–2007 гг.)	%	ЕФР-10 (2008– 2013 гг.)	%	ЕФР-11 (2014–2020 гг.)	%
Национальное (NIRs) и региональное (RIPs) сотрудничество	12 146	70	17 760	81	24 365	84
Сотрудничество между странами АКТ	3 059	18	2 700	12	3 590	12

² *European Commission* (2016) Evaluation of the Cotonou Partnership Agreement. Joint staff working document. Brussels, 15 July. Available at: https://ec.europa.eu/smart-regulation/roadmaps/docs/2016_devco_016_evaluation_cotonou_en.pdf (accessed 4 November 2024). P. 26.

³ Составлено по: *European center for Development Policy Management* (2015) Implementing the Agenda for Change an independent analysis of the 11th EDF programming. Discussion Paper № 180. P. 10. Available at: <https://ecdpm.org/work/implementing-the-agenda-for-change-an-independent-analysis-of-the-11th-edf-programming> (accessed 4 November 2024).

	ЕФР-9 (2001–2007 гг.)	%	ЕФР-10 (2008– 2013 гг.)	%	ЕФР-11 (2014–2020 гг.)	%
Инвестиционный инструмент (ЕИБ)	2 220	13	1 500	7	1 134	4
Всего выделено средств стра- нам АКТ	17 425	100	21 966	100	29 089	100

По данным ЮНКТАД за 2021 г., общий объем накопленных в Африке ПИИ из ЕС составлял 261 млрд евро, или 40% от всех накопленных ПИИ на континенте (73 млрд евро в 2011 г.) (Тау, 2013). В 2022 г. наблюдался отток ПИИ (–214,7 млн евро), рекордный показатель роста был зафиксирован в 2019 г. (+122,6 млрд долл.)⁴. Поступление ПИИ из ЕС в Африку было медленным, между тем темпы роста экономики последней с 2000 г. увеличились в 4 раза⁵. По данным *Ernst&Young*, в 2007–2012 гг. общее число проектов ПИИ в Африке южнее Сахары ежегодно росло на 22% (Kulkova, 2014), что свидетельствовало о расширении присутствия других стран в регионе. Страны ЕС, в отличие от других инвесторов, вкладываются в углеводороды с низкой добавленной стоимостью, малотехнологичные и менее конкурентоспособные добывающие цепочки поставок, в то время как африканские страны заинтересованы в привлечении инвестиций для индустриализации и доступа к новым технологиям.

**Таблица 2. Основные торговые партнеры стран Африки
в 2019–2022 гг., %⁶**
*Table 2. Main trade partners of African countries
in 2019–2022, %*

Основные партнеры	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.*
Страны ЕС	27%	25%	23%	25%
Китай	19.2%	19.8%	22%	25%
Индия	6.6%	5.5%	6%	–
США	4.8%	4.7%	4%	5%
Остальные	42.4%	44.6%	45%	–

Снижение влияния ЕС выразилось в сокращении его доли во внешней торговле африканских стран (см. Табл. 2). В 2018 г. она составляла 32% (235,5 млрд евро); для сравнения, у Китая – 16%, у США – 6%⁷. Основными конкурентами

⁴ CEIC (n.d.) European Union (FDI) Foreign Direct Investment Flow: Inward: EU 27: Africa: Northern Africa | Economic Indicators. Available at: <https://www.ceicdata.com/en/european-union/eurostat-foreign-direct-investment-inward-by-country-bpm6/fdi-flow-inward-eu-27e-africa-northern-africa> (accessed 4 November 2024).

⁵ fDI Intelligence (2023) Europe lagging other investors in Africa. Available at: <https://www.fdiintelligence.com/content/opinion/europe-lagging-other-investors-in-africa-82021> (accessed 4 November 2024).

⁶ Составлено по: Statista (n.d.) Main trade partners of Africa 2019–2021. Available at: <https://www.statista.com/statistics/1234977/main-trade-partners-of-africa/> (accessed 4 November 2024); European Parliamentary Research Service (n.d.) Africa’s main trade partners. Available at: <https://epthinktank.eu/2024/02/13/russia-in-africa-an-atlas/africa-s-main-trade-partners> (accessed 4 November 2024).

⁷ Africa Policy Research Institute (2021) Assessing trade relations between Africa and Europe. Available at: <https://afripoli.org/assessing-trade-relations-between-africa-and-europe> (accessed 4 November 2024).

ЕС стали страны Азии (32% всего экспорта Африки в 2022 г.), а именно Китай, Индия и страны Персидского залива. В целом торговля ЕС с Африкой характеризовалась колебаниями в отдельные годы (См. Рис. 1).

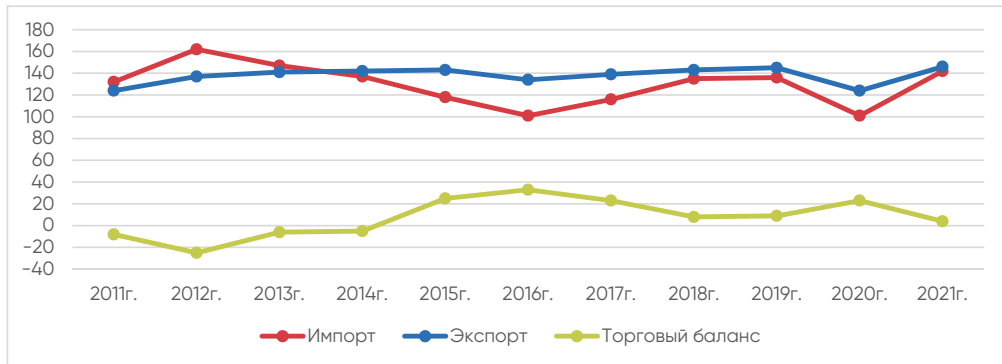

Рисунок 1. Внешняя торговля ЕС со странами Африки в 2011–2021 гг., млрд евро⁸

Figure 1. EU foreign trade with African countries in 2011–2021, EUR bln

ЕС представлял Соглашение Котону как всеобъемлющее торгово-экономическое соглашение между развитыми и развивающимися странами, не имеющее аналогов. Его положения были выполнены не полностью из-за противоречий на разных уровнях в рамках «устаревшей модели отношений «донора–реципиента» (Биссон, 2020). Несовпадение интересов и неоднородность экономического развития среди стран АКТ тормозили его реализацию, так как они являлись не единой политической и экономической группой, а искусственным образованием.

Соглашение также предусматривает управление миграционными потоками и контроль над ними, охватывает проблемы безопасности. События «арабской весны», военные действия на территории некоторых стран, противоречия на этнической и религиозной почве, приход к власти новых элит, менее связанных со странами ЕС, лежали в основе перехода ЕС к модели равноправного партнерства, или «партнерства равных»⁹.

Переговоры о новом соглашении дали возможность рационализировать отношения ЕС – АКТ, исходя из целей устойчивого развития ООН с учетом амбиций африканских государств и изменения равновесия между крупными державами на мировом уровне. Как декларируется, соглашение Пост-Котону, или Соглашение Самоа направлено на решение следующих задач: создание

⁸ Источник: Eurostat (n.d.) Archive: Africa-EU- international trade in goods statistics. Available at: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Archive:Africa-EU_-international_trade_in_goods_statistics (accessed 15 June 2024).

⁹ European Parliamentary Research Service (EPRS) (2023) The Cotonou Agreement and its future: a new era for EU-ACP relations. Available at: <https://epthinktank.eu/2023/06/14/the-cotonou-agreement-and-its-future-a-new-era-for-eu-acp-relations/> (accessed 4 November 2024).

«безопасных государств и обществ»; поддержка частного сектора; углубление региональной интеграции; борьба с изменением климата, терроризмом; регулирование миграционных потоков; обеспечение соблюдения всех международных договоров о правах человека, фундаментальных свобод и демократических принципов; рост инвестиций и экономики (Robertson, 2021). Для управления проблемами в области миграции и их решения в 2022 г. были запущены две инициативы: «Маршрут Атлантического / Западного Средиземноморья и Центрально-Средиземноморский маршрут». Впервые соглашение с АКТ было структурировано в трех региональных протоколах, отражающих различные приоритеты трех регионов АКТ. В каждом из них устанавливаются цели, стратегии, приоритеты, системы управления и совместные учреждения. Иными словами, возникла новая структура «три плюс один».

В отличие от модели ЕС – АКТ, Партнерство ЕВРОМЕД включало в себя политическое и гуманитарное сотрудничество. Вместе с тем, многосторонний формат отношений, а точнее, мультилатерализм ЕС, в регионе выглядел как «сумма двусторонних связей» (Diez & Tocci, 2017). ЕВРОМЕД имел региональное / многостороннее направление, дополнявшее набор двусторонних соглашений, что позволяло снизить интеграционные инициативы стран Магриба (Марокко в 1987 г. подало заявку о вступлении в ЕС). Попытки европеизации, демократизации этих стран на региональном уровне сводятся пока к изменению их социального облика. Институты ЕС служат в качестве модели для имитации при создании «потемкинских деревень». Процессам интеграции и европеизации мешают этнорелигиозные и культурные особенности стран Африки, хотя определенные сдвиги наблюдаются, но в основном на институциональном уровне.

В 2008 г. по инициативе Франции был создан Союз для Средиземноморья (СДС) для реализации многостороннего партнерства двух регионов. Первоначально он предназначался для стран, имеющих выход к Средиземному морю, то есть фактически привел к возникновению спора в первую очередь между Францией и Германией и грозил возможным расколом единства ЕС (Трофимова, 2011). После принятия компромиссного решения Союз был представлен в качестве новой модели взаимодействия ЕС со странами Средиземноморья, входящими в зону его интересов.

Среди основных заявленных целей фигурировали обеспечение сырьем, содействие образованию, создание малых и средних предприятий в регионе, *общая* [курсив *О.Е., Н.А. и А.Д.*] миграционная политика, развитие экономики и торговли, защита окружающей среды. Новизна СДС состояла в ориентации сотрудничества на конкретные проекты за счет бюджета ЕС и частных инвесторов. Сам бюджет Союза составлял всего 8,4 млн евро.

Средиземноморская политика, как и сотрудничество ЕС – АКТ, предусматривает разделение ответственности за развитие. «Механизм взаимодействия между партнерами по СДС строится по формуле «ЕС28+1»¹⁰ и соответствует

¹⁰ ЕС27+1 в настоящее время.

логике развития двусторонних соглашений» (Латкина, 2014). Институционально СДС выглядел следующим образом: 1) Институт сопредседательства (по одной из стран ЕС и Средиземноморья), 2) Саммиты СДС (раз в два года), 3) Секретариат Союза для управления региональными проектами.

В 2002 г. был создан новый инструмент – Евро-средиземноморские инвестиции и партнерство (*FEMIP*), представлявший собой ключевой элемент финансового сотрудничества ЕС – Средиземноморье. Его инвестиции в этом регионе с октября 2002 г. по декабрь 2010 г. составили 12 млрд евро. Приток ПИИ из стран ЕС в Северную Африку составлял в среднем 273,7 млн евро в год¹¹.

В декабре 2021 г. ЕС принял инфраструктурный план «Глобальная Европа» (2021–2027 гг.) для укрепления связей с развивающимися странами и странами, входящими в Европейскую политику соседства (ЕПС). Объемы инвестиций в рамках программы, рассчитанные на период до 2027 г., составят 300 млрд евро. Эта инициатива была разработана после принятия Китаем в 2013 г. масштабного инфраструктурного проекта «Один пояс, один путь» с инвестициями в размере 885 млрд долл.¹²

На саммите ЕС – АС в феврале 2022 г. были приняты Совместная стратегия до 2030 г. и инвестиционный план для Африки в рамках «Глобальной Европы» в размере 150 млрд долл. Среди заявленных целей – развитие энергетики, здравоохранения и образования; цифровизация; переход к устойчивому развитию; создание новых рабочих мест. В 2024 г. планируется реализовать 73 проекта в Африке, включая 11 стратегических коридоров¹³. Приоритет отдается транспортной инфраструктуре, энергетике, организации цифровых сетей и «рынка зеленого водорода», который соединит два берега Средиземноморья.

По данным Доклада о мировых инвестициях 2023 г., ПИИ в Африку снизились значительно – с 80 млрд долл. в 2021 г. до 45 млрд долл. в 2022 г. При этом число заявленных новых проектов ("greenfield projects") выросло на 39% – до 766. Шесть из пятнадцати мегапроектов, заявленных в 2022 г., приходились на Африку (их общая стоимость составляет 5 млрд долл.)¹⁴

¹¹ CEIC (n.d.) European Union (FDI) Foreign Direct Investment Flow: Inward: EU 27: Africa: Northern Africa | Economic Indicators. Available at: <https://www.ceicdata.com/en/european-union/eurostat-foreign-direct-investment-inward-by-country-bpm6/fdi-flow-inward-eu-27e-africa-northern-africa> (accessed 4 November 2024).

¹² Gili A. & d'Ambrosio Lettieri F. (2023) EU's Global Gateway: Africa under a new spotlight. *Welthungerhilfe*, June. Available at: <https://www.welthungerhilfe.org/global-food-journal/rubrics/development-policy-agenda-2030/eus-global-gateway-africa-under-a-new-spotlight> (accessed 4 November 2024).

¹³ Schütte A. (2024) EU's Global Gateway keeps focus on investments in Africa. *Science Business*, 1 February. Available at: <https://sciencebusiness.net/news/eus-global-gateway-keeps-focus-investments-africa> (accessed 4 November 2024).

¹⁴ ЮНКТАД (2023) Доклад о мировых инвестициях 2003 г. Инвестиции в устойчивую энергетику для всех (2023). Available at: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2023_overview_ru.pdf (accessed 4 November 2024).

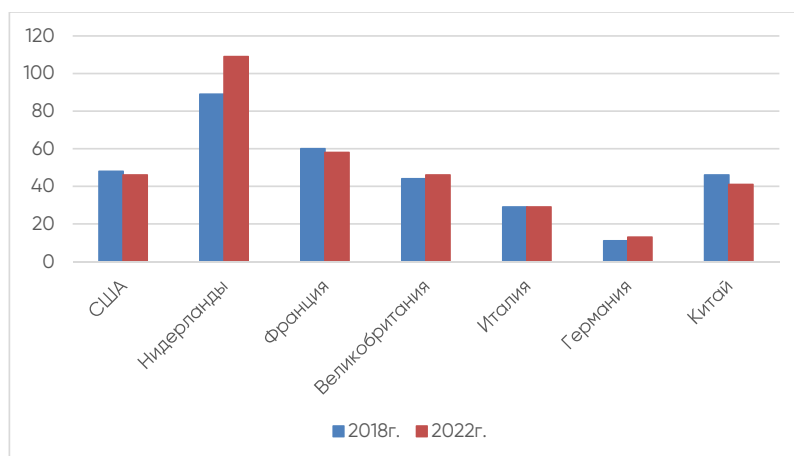

Рисунок 2. Накопленные ПИИ ведущих стран ЕС, США и Китая в Африке, млрд долл.¹⁵

Figure 2. The cumulative direct investments of EU leading countries, USA and China in Africa, USD bln

Европейские инвесторы являются крупными донорами ПИИ в Африке, на которую приходилось 4% всего притока ПИИ в 2023 г.¹⁶ Лидером же по числу проектов остаются США (93 проекта), в 2022 г. на них приходилось 13% всех ПИИ на континенте.

США и Африка: попытки вернуть влияние

Оставаясь ведущим государством по количеству проектов в Африке, сегодня США пытаются нарастить свое влияние на континенте в условиях активизации африканского направления политики Китая, Индии и России. По словам министра торговли Д. Раймондо, «Отношения США и Африки будут определяться связями между частными компаниями обеих сторон ... Это позволит кардинально изменить жизнь африканцев и приведет к созданию рабочих мест по обе стороны Атлантического океана»¹⁷. При этом США акцентируют внимание на «расширении инициатив в области дипломатии и развития в Африке» (Урнов, 2022).

Одним из главных документов в отношениях США и государств Африки южнее Сахары является американский Закон о росте и возможностях Африки (*Africa Growth and Opportunity Act*, далее – *AGOА*), подписанный

¹⁵ Источник: *UNCTAD (2024) Africa: Foreign Investment in Clean Energy Boosts Sustainability Momentum*. Available at: <https://unctad.org/press-material/africa-foreign-investment-clean-energy-boosts-sustainability-momentum> (accessed 4 November 2024).

¹⁶ *ЮНКТАД (2023) Доклад о мировых инвестициях. Инвестиции в устойчивую энергетику для всех*. Available at: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2023_overview_ru.pdf (дата обращения: 04.11.2024); *EY (2023) Africa Attractiveness Report 2023*. Available at: http://www.ey.com/en_zh/services/assurance/Africa-attractiveness-report-2023 (accessed 18 June 2023).

¹⁷ *U.S. Department of Commerce (2022) Remarks by U.S. Secretary of Commerce Gina Raimondo at the U.S.–Africa Business Forum*. Available at: <https://www.commerce.gov/news/speeches/2022/12/remarks-us-secretary-commerce-gina-raimondo-us-africa-business-forum> (accessed 4 November 2024).

в 2000 г. с целью создания системы преференциальной торговли для африканских государств. В 2015 г. Конгресс продлил его действие до 2025 г. Закон предусматривает дополнительное снижение таможенных пошлин на товары, не охваченные Всеобщей системой преференций. Между тем за последние 20 лет коренных изменений в торговой и инвестиционной структуре США и африканских стран не произошло. В рамках AGOA США сотрудничает с 35 странами, при этом большая часть американского импорта приходится на нефтедобывающие страны – Нигерию и Анголу. Импорт промышленной продукции с 2000 г. вырос более чем втрое (Scoles & Solomon, 2023). По информации Международной торговой комиссии США, наиболее благотворное влияние данный закон оказал на развитие текстильной промышленности африканских стран. В целом же он не сыграл какой-либо значимой роли в обеспечении устойчивого экономического роста африканских стран, так как не охватывал всю товарную торговлю с США¹⁸.

С 2020 г. США заключили более 800 двусторонних торговых и инвестиционных соглашений с 47 африканскими государствами на сумму более 18 млрд долл., а частные американские компании объявили о намерении инвестировать в Африку более 8 млрд долл.¹⁹ Важным событием стала разработка инициативы по цифровой трансформации африканских стран (*Digital Transformation with Africa*). Инвестиции в этот проект составят более 350 млн долл.²⁰ Необходимо отметить планы Американской международной финансовой корпорации развития (*Development Foreign Corporation*) по привлечению более 369 млн долл. на обеспечение продовольственной безопасности африканских стран, а также развитие возобновляемых источников энергии и системы здравоохранения в странах Африки южнее Сахары²¹. Кроме того, экспортно-импортный банк США располагает активами в африканских странах на сумму более 7 млрд долл. и финансирует проекты с участием американских компаний. Сотрудничество США и африканских государств происходит и в военно-технической области. Существует около 40 военных баз и объектов АФРИКОМ США в 24 африканских странах. В июле 2024 г. была закрыта военная база в Нигере.

¹⁸ *US International Trade Commission* (2023) African Growth and opportunity Act(AGOA): Program Usage, Trends and Sectoral Highlights. Available at: <https://www.usitc.gov/publications/332/pub5419.pdf> (accessed 4 November 2024). P. 20.

¹⁹ *The White House* (2022) Fact Sheet: US-Africa Partnership in Promoting Two-Way Trade and Investment in Africa. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/12/14/fact-sheet-u-s-africa-partnership-in-promoting-two-way-trade-and-investment-in-africa/> (accessed 4 November 2024). US International Trade

²⁰ *U.S. Department of State*. (n.d.) Digital Transformation with Africa Available at: <https://www.state.gov/digital-transformation-with-africa/> (accessed 4 November 2024).

²¹ *The White House* (2023) Fact Sheet: Biden-Harris Administration Delivers on Major Trade and Investment Deals Following the 2022 U.S.-Africa Leaders Summit. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/07/12/fact-sheet-biden-harris-administration-delivers-on-major-trade-and-investment-deals-following-the-2022-u-s-africa-leaders-summit/>

Table 3. USA trade with African countries, USD bln

В отличие от торговли поля африканских стран в накопленную прибыль

Table 4. Cumulative US FDI in Africa, USD mln

3. Составлено по: U.S. Bureau of Economic Analysis (n.d.) U.S. Direct Investment Abroad: Balance of Payments and

Возможную модель развития отношений США с государствами Африки можно рассмотреть на примере Кении. Оба государства заявили о намерении заключить Стратегическое торговое и инвестиционное партнерство (*Strategic Trade and Investment Partnership, далее – STIP*)²⁴. Этот документ отражает американское видение углубления экономического взаимодействия со странами и отдельными регионами и отличается от традиционных соглашений о свободной торговле. Во-первых, речь не идет об обязательствах по доступу государств-партнеров на внутренний американский рынок. Во-вторых, продукция, производимая торговыми партнерами США, должна будет содержать компоненты, произведенные на территории самих Соединенных Штатов (похожие положения включены в Соглашение США–Мексика–Канада, заменившее Североамериканское соглашение о свободной торговле). Администрация Дж. Байдена называет *STIP* одной из основных моделей взаимодействия с африканскими странами²⁵.

Особенности сотрудничества Китая с Африкой

В стратегических документах и официальных заявлениях Пекина в качестве ключевого отличия африканской стратегии Китая от политики его западных партнеров позиционируется «общность судеб и задач» всех развивающихся стран, к которым Китай себя причисляет (Дейч, 2008). В опубликованной в 2006 г. «Белой книге» («Политика КНР в отношении Африки»), в частности, неоднократно подчеркивается курс на равноправные отношения с африканскими государствами, на взаимную выгоду и совместное процветание, исключая «вертикальные» отношения эксплуатации и подчинения²⁶. Эти идеи получили дальнейшее развитие в 2013 г. в «трех тезисах» председателя КНР Си Цзиньпина (Гемуева, 2021).

Китайская модель сотрудничества со странами Африканского континента в сравнении с другими ведущими игроками отличается большей долей прагматического реализма. В отличие от США и ЕС, КНР уделяет гораздо меньше внимания продвижению в Африке социальных, политических или экономических норм. Одновременно позиция Китая в большей степени учитывает национальные интересы и потребности африканских партнеров, но не упускает своих выгод (Зеленев & Солощева, 2022a). Такой подход открывает перед КНР широкий спектр вариантов сотрудничества с государствами континента, включая непопулярные гуманитарные направления, считающиеся бесперспективными инфраструктурные объекты и т.д.

²⁴ *The White House* (2024) U.S.-Kenya Joint Leaders Statement. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2024/05/23/united-states-kenya-joint-leaders-statement/> (accessed 4 November 2024).

²⁵ *The White House* (2024) U.S.-Kenya Joint Leaders Statement. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2024/05/23/united-states-kenya-joint-leaders-statement/> (accessed 4 November 2024).

²⁶ Full Text: China's second Africa policy paper. *Xinhua*, 4 December. Available at: https://web.archive.org/web/20151210031220/http://news.xinhuanet.com/english/2015-12/04/c_134886545.htm (accessed 8 November 2024).

С другой стороны, для китайской модели характерно маскируемое под «мягкую силу» проникновение сначала в прибрежные африканские страны для создания там инфраструктуры с целью защиты своих морских путей, а затем и для расширения торговых связей с континентальной Африкой. По сути, эта модель позволяет контролировать свои активы и управлять ими при охвате всего континента. Китай ранжирует страны по их значимости для своих интересов, но для получения выгоды не избегает тех, в которых высоки политические риски, при условии низкой конкуренции.

Торговое сотрудничество Китая с Африкой в последнее десятилетие стабильно расширялось. Товарооборот в среднем увеличивался на 20% в год (Дейч, 2022). Вместе с тем, в отношении внешней торговли для КНР африканское направление остается второстепенным. На Африку приходится около 4% торговли Китая (4,4% экспорта и 3,6% импорта) (Кулькова, 2022). Торговый баланс Китая с африканским континентом в целом остается положительным, что составляет определенную проблему. КНР пытается сократить отрицательный торговый баланс с Африкой путем наращивания импорта, прежде всего за счет увеличения в нем доли несырьевой продукции (см. Рис. 3).

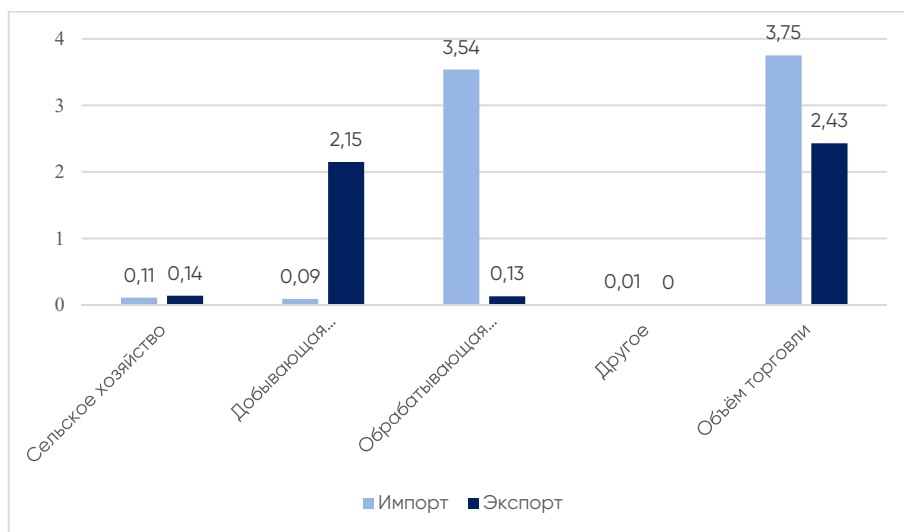

Рисунок 3. Экспорт и импорт Африки в Китай по секторам, 2000–2022 гг.²⁷

Figure 3. Africa's exports and imports to China by sector, 2000–2022

Китай является одним из крупнейших инвесторов в Африке. Накопленные ПИИ из КНР в странах континента с 2003 г. по 2020 г. выросли почти в 100 раз: с 490 млн до 43,4 млрд долл. (Дейч, 2022). Приоритетными направлениями

²⁷ Источник: *Global Development Policy Center (2024) China-Africa Economic Bulletin 2024 Edition*. Available at: <https://www.bu.edu/gdp/2024/04/01/china-africa-economic-bulletin-2024-edition/> (accessed 4 November 2024).

становятся инфраструктура и добыча полезных ископаемых. Доля вложений КНР в крупные объекты значительно выше, чем у США или ЕС из-за разницы в их подходах (Зеленев & Солощева, 2022b). По подсчетам экспертов, при участии КНР в Африке было построено более 100 тыс. км дорог, 10 тыс. км железных дорог, около 1000 мостов и порядка 100 портов²⁸. Многие проекты получали поддержку Пекина в рамках инициативы «Один пояс, один путь».

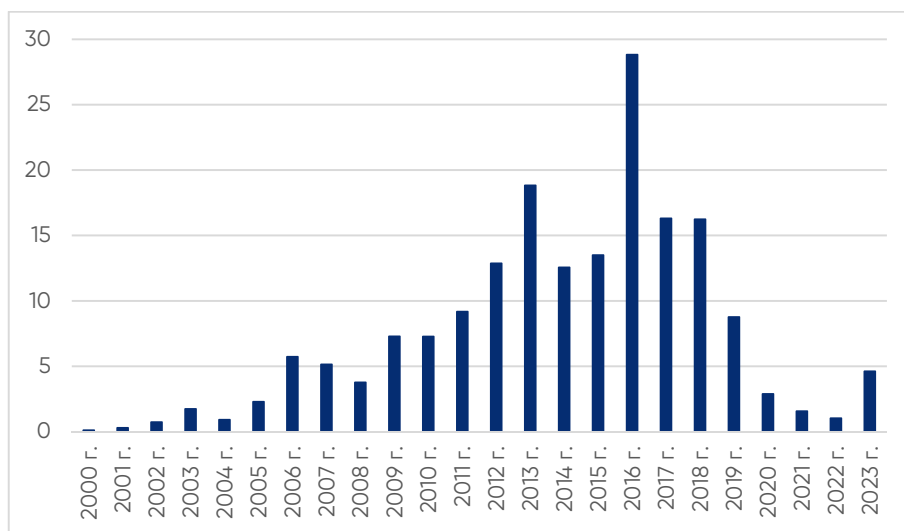

Рисунок 4. Китайские кредиты Африке в 2000–2022 гг., млрд долл.²⁹

Figure 4. Chinese loans to Africa in 2000–2022, USD bln

В последние годы наметилась тенденция к сокращению вложений КНР в Африке (см. Рис. 4). Многие государства континента превратились в крупных должников: долг Джибути к 2020 г. приближался к отметке в 50% ВВП, Ангола должна Китаю 38% своего ВВП, Конго и Замбия – более 20% (Зеленев & Солощева, 2022b). Начиная с 2016 г. снижается валовый годовой доход строительных проектов китайских компаний в Африке (Кондакова & Янькова, 2023). Все это привело к корректировке экономической политики КНР на континенте. Китай стал более осторожен в выделении средств на объекты инфраструктуры. В 2020 г. китайские власти дали понять, что «время, когда африканские правительства получали легкий доступ к финансированию инфраструктуры, закончилось»³⁰.

²⁸ Africa on the go thanks to BRI-led makeover (2022) *China Daily*, 27 August. Available at: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202208/27/WS63097aa7a310fd2b29e748df.html> (accessed 8 November 2024).

²⁹ Источник: *Global Development Policy Center* (2024) *China-Africa Economic Bulletin 2024 Edition*. Available at: <https://www.bu.edu/gdp/2024/04/01/china-africa-economic-bulletin-2024-edition/> (accessed 4 November 2024).

³⁰ Olander E. (2020) China to cut back lending to Africa in the post-COVID-19 era. *The Africa Report. China Global South Project*, 1 December. Available at: <https://chinaglobalsouth.com/2020/11/30/analysts-china-to-cut-back-lending-to-africa-in-the-post-covid-19-era/> (accessed 4 November 2024).

В целом стратегия Китая на африканском направлении характеризуется относительно сбалансированным сочетанием экономических, геополитических, военных и культурно-идеологических факторов, объединенных задачей вовлечения стран региона в более тесные отношения партнерства. Наиболее важными для КНР странами являются Нигерия, Кения, ЮАР, Гана, Ангола, Эфиопия, Египет, Замбия, ДРК (Зеленев & Солощева, 2022b).

Заключение

ЕС остается ведущим игроком в Африке, развивает модель отношений с регионом по аналогии со своим интеграционным проектом, пытаясь малыми средствами реализовать масштабные планы по проведению экономических реформ в странах континента. Пока Европейский союз выдвигает идеи о «равноправном партнерстве» с неравными по всем параметрам партнерами, изобретает новые инструменты сотрудничества, США и Китай без особой институционализации связей, используя «мягкую силу», расширяют свое влияние в Африке: стратегия Китая заключается в участии в крупномасштабных инфраструктурных проектах, а тактика – в постепенном освоении континента без выдвижения предварительных условий; США используют комплексный (свои финансовые возможности, политическую мощь) и точечный подходы для укрепления своего влияния в Африке. Основным соперником ЕС и финансовым спонсором африканских стран стал Китай; наращивают инвестиции Индия и страны Персидского залива. Иными словами, число конкурентов ЕС в Африке растет.

Безусловно, любая стратегия и модель требуют доработки под влиянием внутренних и внешних факторов. К последним относятся процессы, происходящие в мире, в Евросоюзе, который постепенно теряет свои лидирующие экономические и геополитические позиции, и в Африке, экономика которой растет быстрыми темпами. В условиях усиления конкуренции за природные ресурсы экономическое развитие Африки в меньшей степени волнует всех акторов. За идеей «равноправного партнерства» явно просматриваются попытки переложить на африканские страны ответственность за их будущее. При этом отношения поддерживаются осознанием общей судьбы и общих проблем³¹, что ведет к смене парадигмы от помощи развитию к сотрудничеству и партнерству, пока не очень равноправному.

Недостатком постоянно меняющейся модели взаимосвязей ЕС – Африка является увлеченность ЕС их институционализацией, переносом элементов европейской интеграции в страны, отличные по всем показателям от стран Евросоюза, постоянное усложнение процедур одобрения проектов,

³¹ Так, на саммите Италия – Африка У. фон дер Ляйен заявила, что наступил новый этап сотрудничества ЕС и Африки, чьи судьбы переплетены, а интересы еще более связаны, чем прежде. См.: Bayer L. (2024) Ursula von der Leyen says Africa and Europe's 'interests are aligned more than ever before' – as it happened. *The Guardian*, 29 January. Available at: <https://www.theguardian.com/world/live/2024/jan/29/giorgia-meloni-italy-africa-summit-europe-latest-updates> (accessed 4 November 2024).

замедленность процесса принятия решений. Имеет место преобладание «моделирования партнерства» над реализацией его целей. В последние годы ЕС стал активнее использовать принцип многосторонности в отношениях с Африкой, исходя из того, что Африканский союз является крупным региональным образованием, заинтересованным в сотрудничестве с такой геополитической организацией, как Европейский союз.

В ЕС присутствует понимание общих проблем и причин, тормозящих сотрудничество двух регионов. Существует множество противоречий в видении двумя сторонами путей развития Африки и сохранения в ней влияния ЕС на фоне возрастающей конкуренции со стороны Китая, США и других акторов. Дефицит средств для развития экономики этих государств, проблемы миграции и безопасности, структурный дисбаланс и асимметрия связей, дифференцированный подход государств – членов ЕС к развитию отношений с Африкой (фактически 11 из 27 стран ЕС проявляют интерес к официальной стратегии, а новые государства-члены не заинтересованы) – все это усложняет реализацию африканской стратегии Европейского союза. Развитие проекта ЕС – Африка, на наш взгляд, будет идти по пути успехов и неудач, несмотря на новые инструменты и совершенствование механизма связей. Одним из вариантов его сохранения может стать точечный подход и четкая конкретизация целей и стратегии, а также использование гибридных форм связей, в том числе новые финансовые стратегии и план «Глобальная Европа», выдвигающие инвестиции в центр европейской стратегии в Африке.

Список литературы

1. Абрамова И.О. (2013) *Новая роль Африки в мировой экономике XXI века*. М. 323 с.
2. Биссон Л.С. (2020) Новая стратегия ЕС для Африки: в поисках подлинного партнерства. *Современная Европа* (3): 39–50. DOI: 10.15211/soveurope320203950.
3. Васильев А.М. (2012) *Африка и вызовы XXI века*. М.: Изд-во Восточная литература РАН. 374 с.
4. Гемуева К.А. (2021) Сравнение стратегий крупных внешних игроков в развитии электроэнергетики в Африке южнее Сахары. *Сравнительная политика* (1): 49–68. DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10005.
5. Дейч Т.Л. (2008) *Африка в стратегии Китая*. М.: Институт Африки РАН, 2008. 326 с.
6. Дейч Т.Л. (2022) Экономические связи Китая с Африкой: проблемы и перспективы. *Азия и Африка сегодня* (7): 48–56. DOI: 10.31857/S032150750020975-4.
7. Зеленов Е.И., Солощева М.А. (2022a) Китай в Африке: от стран-партнеров к странам-последователям. Часть 1. *Азия и Африка сегодня* (7): 12–21. DOI: 10.31857/S032150750020973-2.
8. Зеленов Е.И., Солощева М.А. (2022b) Китай в Африке: от стран-партнеров к странам-последователям. Часть 2. *Азия и Африка сегодня* (8): 12–21. DOI: 10.31857/S032150750020973-2.
9. Кириченко Л.М. (1974) *Западно-Европейская интеграция и страны Африки*. М.: Международные отношения. 136 с.
10. Колкер Б.М. (1982). *Африка и Западная Европа: Политические отношения*. М.: Наука. 216 с.

11. Кондакова К., Янькова А. (2023) Интересы Китая в Африке. РСМД, 1 ноября. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/interesy-kitaya-v-afrike/> (дата обращения: 04.11.2024).
12. Корендясов Е.Н. (1969) *Коллективный неокOLONИализм в действии*. М.: Международные отношения. 213 с.
13. Кулькова О.С. (2022) «Старые» и «новые» игроки в Африке: драйверы изменения их политики в отношении континента (2010–2022 гг.). *Азия и Африка сегодня* (12): 39–46. DOI: 10.31857/S032150750023560–8.
14. Латкина В.Е. (2014) Политика Европейского Союза в Средиземноморье в контексте «Арабской весны». *Вестник МГИМО-Университета* 2(35): 139–149. DOI: 10.24833/2071–8160–2014–2–35–139–149.
15. Мюрдаль Г. (1972) *Современные проблемы третьего мира*. М. Прогресс.
16. Никольская М.В., Чкония Л.Е., Победенный В.А. (2024) *Made i Africa: от деколонизации – к инновациям через призму африканского капитала*. М.: Издательство «МГИМО-Университет». 68 с. Available at: <https://mgimo.ru/upload/iblock/2e6/3gzwl5uup2hkosi6dopfssebmpw11k6/made-in-africa.pdf> (дата обращения: 04.11.2024).
17. Рикардо Д. (2008) *Начала политической экономии и налогового обложения*. Пер. с англ. П.Н. Ключина. М.: Эксмо.
18. Солодовников В.Г., Тарабрин Е.А., Каменов Е. и др. (1975) *Неоколониализм и Африка в 70-х годах (Закономерности и специфика антиимпериалист. борьбы)*. Москва, София : Мысль, Изд-во Болг. акад. наук. 437 с.
19. Трофимова О.Е. (2011) *Эволюция средиземноморской политики Евросоюза: путь от сотрудничества к интеграции*. М.: ИМЭМО РАН. 122 с.
20. Урнов А.Ю. (2022) Политика США в Африке к Югу от Сахары. *Ученые записки Института Африки РАН* 3(60): 6–25.
21. Allen T. (2002) EU Trade with ACP countries. Statistics in focus. *External trade* 6(3): 1–8. Available at: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/3e576156-11e8-11ea-8c1f-01aa75ed71a1> (accessed 4 November 2024).
22. Amin S. (1997) *Imperialism and Unequal Development*. N.Y. and London: Monthly Review Press.
23. Baier J. (2019) Cotonou 2020 – What the European Union can learn from Chinese trade and investment relations with Africa. *Policy Briefs. OGfE Policy*. Available at: https://www.oegfe.at/wp-content/uploads/2019/02/OEGfE_Policy_Brief-2019.02.pdf (accessed 4 November 2024).
24. Diez T. & Tocci N. (2017) *The EU. Promoting Regional Integration and Conflict Resolution*. London: Palgrave Macmillan.
25. *Europe-Africa: A Special Partnership* (2019) Institute Montaigne. 163 p. Available at: <https://www.institutmontaigne.org/ressources/pdfs/publications/europe-africa-special-partnership-report.pdf> (accessed 4 November 2024).
26. Furtado C. (1974) *The Myth of Economic Development*. John Wiley & Sons Limited.
27. Hansen P. & Jonsson S. (2015) *Eurafrica: The Untold History of European Integration and Colonialism (Theory for a Global Age Series)*. Bloomsbury Academic. 344 p.
28. Kulkova O. (2014) Africa and the European Union: Summit Number Four. *RIAC*, April 2014. Available at: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/africa-and-the-european-union-summit-number-four/> (accessed 4 November 2024).
29. Milward A.S. (1992) *The European Rescue of the Nation-State*. London: Routledge.
30. Omolo K. (2019) The Africa-EU Relations and Regional Integration in Africa: Reassessing EU's Influence on Africa's Integration Project(s). *Centre international de formation europeenne. L'Europe en Formation* 388(1): 1–25.
31. Pierson P. (2003) *Politics in Time: History, Institutions, and Social Analysis*. Princeton: Princeton University Press.

32. Prebisch R. (1976) *A critique of peripheral capitalism*. United Nations. Available at: <https://repositorio.cepal.org/server/api/core/bitstreams/359c24f3-d8ad-443a-b2a8-f6c3c6272f13/content> (accessed 4 November 2024).
33. Robertson D. (2021) EU-ACP Economic Partnership Agreements: Modern Colonialism elements: Modern Colonialism Disguised in Violation of the WTO. *Vanderbilt Law Review* 50(1): 463–497. Available at: <https://scholarship.law.vanderbilt.edu/vjtl/vol50/iss2/5> (accessed 4 November 2024).
34. Scoles S. & Solomon M. (2023) United States Seeks Enhanced Trade Ties with Africa. *White&Case*, 5 January. Available at: <https://www.whitecase.com/insight-alert/united-states-seeks-enhanced-trade-ties-africa> (accessed 4 November 2024).
35. Singer H.W. (1975) *The Strategy of International Development*. London.
36. Tay S. (2013) AfCFTA and the Creeping Power Play: Africa, the European Union and China. *Policy Center for the new South*, 15 February. Available at: <https://www.policycenter.ma/publications/afcfta-and-creeping-power-play-africa-european-union-and-china> (accessed 4 November 2024).
37. Thelen K., Steinmo S. & Longstreth F. (1992) *Structuring Politics: Historical Institutionalism in Comparative Analysis*. Cambridge University Press. 272 p.

Comparative Politics. Volume 15. No. 4. October–December / 2024
DOI 10.46272/2221-3279-2024-4-15-5

PROJECT EU-AFRICA: CHANGES OF STRATEGY IN COMPETITIVE ENVIRONMENT

Dr. Olga E. TROFIKOVA – Leading Research Fellow, European Union Studies Sector, Center for European Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS).

ORCID: 0000-0001-8788-5064. E-mail: olgatrofimova53@mail.ru
23 Profsoyuznaya Str., Moscow, Russia, 117997.

Dr. Nikolai Al. PODCHASOV – Senior Research Fellow, European Union Studies Sector, Center for European Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS).

ORCID: 0000-0003-3075-9651. E-mail: nickpodchasov@yandex.ru
23 Profsoyuznaya Str., Moscow, Russia, 117997.

Alexander D. KULINICH – Junior Research Fellow, European Union Studies Sector, Center for European Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS).

ORCID: 0009-0003-2753-8476. E-mail: kulinich.a.d@my.mgimo.ru
23 Profsoyuznaya Str., Moscow, Russia, 117997.

Received July 11, 2024

Accepted September 30, 2024

Acknowledgments. This article was prepared with the support of a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development No. 075-15-2024-551 "Global and regional centers of power in the emerging world order".

Abstract: The aim of this article is to identify changes in the priorities of the EU's African strategy, seeking to maintain its position on the continent in light of competition from such actors as the United States and China, as well as to trace the evolution of the relations formats and influence of integration processes on the EU-Africa relations model. The authors use complex interdisciplinary approach, narrative methods and comparative analysis to determine new trends in EU cooperation with African countries including transition to multilateralism and regionalization; applying elements of integration and external Europeanization as convergence and incorporation of procedures, practices and norms in cooperation projects in Africa, using "soft power" instruments; policy of "equal partnership" and politicization of EU-Africa relations. However, the effectiveness of Europeanization as a replication of the European value system and democratic transition in African countries with other civilizational norms is very limited, so EU countries follow institutional logic in their relations with them. The authors underscore that the process of regional integration in Africa is one of the results of deepening cooperative interactions against the backdrop of its continuing asymmetry, also being an important difference of EU-Africa project from other cooperative models. Asymmetry manifests in economic relations, especially trade agreements, recognition of equal partnership, different positions in new world order, intra-country development differences and financial and labor force abilities of African countries. Equally relevant is the analysis of EU competition with the USA and China in Africa, identifying its specific traits in cooperation with the continent, and future prospects of the EU cooperation with African countries under the new realities and possible shortcomings of a new EU-Africa project.

Keywords: European Union, strategy, equal relationship, regionalization, integration processes, trade, investments, development aid, competition, the USA, China

References:

1. Abramova I.O. (2013) *Novaya rol' Afriki v mirovoj e'konomike XXI veka* [New role of Africa in world economy in XXI century]. Moscow, 323 p. (In Russian).
2. Allen T. (2002) EU Trade with ACP countries. Statistics in focus. *External trade* 6(3): 1–8. Available at: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/3e576156-11e8-11ea-8c1f-01aa75ed71a1> (accessed 4 November 2024).
3. Amin S. (1997) *Imperialism and Unequal Development*. N.Y. and London: Monthly Review Press.
4. Baier J. (2019) Cotonou 2020 – What the European Union can learn from Chinese trade and investment relations with Africa. *Policy Briefs. OGF Policy*. Available at: https://www.oegfe.at/wp-content/uploads/2019/02/OEGfE_Policy_Brief-2019.02.pdf (accessed 4 November 2024).
5. Bisson L.S. (2020) Novaya strategiya YES dlya Afriki: v poiskakh podlinnogo partnerstva [The EU's New Strategy for Africa: In Search of a Genuine Partnership]. *Sovremennaya Evropa* [Contemporary Europe](3): 39–50. DOI: 10.15211/soveurope320203950. (In Russian).
6. Deich T.L. (2008) *Afrika v strategii Kitaya* [Africa in the strategy of China]. Moscow: Institute for African Studies RAS. 326 p. (In Russian).
7. Deich T.L. (2022) Ekonomicheskiye svyazi Kitaya s Afrikoy: problemy i perspektivy [China's Economic Ties with Africa: Problems and Prospects]. *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa Today](7): 48–56. DOI: 10.31857/S032150750020975-4. (In Russian).
8. Diez T., Tocci N. (2017) The EU. *Promoting Regional Integration and Conflict Resolution*. London: Palgrave Macmillan.
9. *Europe-Africa: A Special Partnership* (2019) Institute Montaigne. 163 p. Available at: <https://www.institutmontaigne.org/ressources/pdfs/publications/europe-africa-special-partnership-report.pdf> (accessed 4 November 2024).
10. Furtado C. (1974) *The Myth of Economic Development*. John Wiley & Sons Limited.

11. Gemueva K.A. (2021) Sravneniye strategiy krupnykh vneshnikh igrokov v razvitiy elektroenergetiki v Afrike yuzhneye Sakhary [Comparison of Major External Actors' Strategies for the Power Sector Development in Sub-Saharan Africa]. *Sravnitel'naia politika [Comparative Politics Russia]* (1): 49–68. DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10005. (In Russian).
12. Hansen P. & Jonsson S. (2015) *Eurafrica: The Untold History of European Integration and Colonialism (Theory for a Global Age Series)*. Bloomsbury Academic. 344 p.
13. Kirichenko L.M. (1974) *Zapadno-Evropejskaya integraciya i strany Afriki [Western European integration and African countries Moscow International Relations]*. Moscow: Mezhdunarodny'e otnosheniya. 136 p. (In Russian).
14. Kolker B.M. (1982). *Afrika i Zapadnaya Evropa: Politicheskie otnosheniya [Western Europe: Political relations]*. Moscow: Nauka. 216 p. (In Russian).
15. Kondakova K., Yankova A. (2023) Interesy Kitaya v Afrike [China's Interests in Africa]. *RSM D [RIAC]*, November 1. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/interesy-kitaya-v-afrike/> (accessed 4 November 2024). (In Russian).
16. Korendyasov E.N. (1969) *Kollektivnyj neokolonializm v dejstvii [Collective neocolonialism in action]*. Moscow: Mezhdunarodny'e otnosheniya. 213 p. (In Russian).
17. Kulkova O. (2014) Africa and the European Union: Summit Number Four. *RIAC*, April 2014. Available at: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/africa-and-the-european-union-summit-number-four/> (accessed 4 November 2024). (In Russian).
18. Kulkova O.S. (2022) «Staryye» i «novyye» igroki v Afrike: drayvery izmeneniya ikh politiki v otnoshenii kontinenta (2010–2022 gg.) ["Old" and "new" players in Africa: drivers of change in their policies towards the continent (2010–2022)]. *Aziya i Afrika segodnya [Asia and Africa Today]* (12): 39–46. DOI: 10.31857/S032150750023560-8. (In Russian).
19. Latkina V.E. (2014) Politika Yevropeyskogo Soyuza v Sredizemnomor'ye v kontekste «Arabskoy vesny» [The European Union's Policy in the Mediterranean in the Context of the «Arab Spring»]. *Vestnik MGIMO-Universiteta [MGIMO Review of International Relations]* 2(35): 139–149. DOI: 10.24833/2071-8160-2014-2-35-139-149. (In Russian).
20. Milward A.S. (1992) *The European Rescue of the Nation-State*. London: Routledge.
21. Myrdal G. (1972) *Sovremennyye problemy tret'yego mira [Contemporary Problems of the Third World]*. Moscow: Progress. (In Russian).
22. Nikolskaya M.V., Chkonia L.E., Pobedenny V.A. (2024) *Made in Africa: ot dekolonizatsii – k innovatsiyam cherez prizmu afrikanskogo kapitala [Made in Africa: from decolonization to innovation through the prism of African capital]*. Moscow: MGIMO-University Publishing House. 68 p. Available at: <https://mgimo.ru/upload/iblock/2e6/3gzwj15uup2hkosi6gopfssebmppw11k6/made-in-africa.pdf> (accessed 4 November 2024). (In Russian).
23. Omolo K. (2019) The Africa-EU Relations and Regional Integration in Africa: Reassessing EU's Influence on Africa's Integration Project(s). *Centre international de formation europeenne. L'Europe en Formation* 388(1): 1–25.
24. Pierson P. (2003) *Politics in Time: History, Institutions, and Social Analysis*. Princeton: Princeton University Press.
25. Prebisch R. (1976) *A critique of peripheral capitalism. United Nations*. Available at: <https://repositorio.cepal.org/server/api/core/bitstreams/359c24f3-d8ad-443a-b2a8-f6c3c6272f13/content> (accessed 4 November 2024).
26. Ricardo D. (2008) *Nachala politicheskoy ekonomii i nalogovogo oblozheniya [Principles of Political Economy and Taxation]*. Trans. from English by P.N. Klyukina. Moscow: Eksmo. (In Russian).
27. Robertson D. (2021) EU-ACP Economic Partnership Agreements: Modern Colonialism elements: Modern Colonialism Disguised in Violation of the WTO. *Vanderbilt Law Review* 50(1): 463–497. Available at: <https://scholarship.law.vanderbilt.edu/vjtl/vol50/iss2/5> (accessed 4 November 2024).

28. Scoles S., Solomon M. (2023) United States Seeks Enhanced Trade Ties with Africa. *White&Case*, 5 January. Available at: <https://www.whitecase.com/insight-alert/united-states-seeks-enhanced-trade-ties-africa> (accessed 4 November 2024).
29. Singer H.W. (1975) *The Strategy of International Development*. London.
30. Solodovnikov V.G., Tarabrin E.A., Kamenov E. et al. (1975) *Neokolonializm i Afrika v 70-x godax: Zakonomernosti i specifika antiimperialisticheskoi. bor'by* [Neocolonialism in Africa in the 1970s (Patterns and specific of anti-imperialist struggle)]. Moscow, Sofia: My'sl', Izd-vo Bolgaria. akademiya nauk. 437 p. (In Russian).
31. Tay S. (2013) AfCFTA and the Creeping Power Play: Africa, the European Union and China. *Policy Center for the new South*, 15 February. Available at: <https://www.policycenter.ma/publications/afcfta-and-creeping-power-play-africa-european-union-and-china> (accessed 4 November 2024).
32. Thelen K., Steinmo S., Longstreth F. (1992) *Structuring Politics: Historical Institutionalism in Comparative Analysis*. Cambridge University Press. 272 p.
33. Trofimova O.E. (2011) *Evolutsiya sredizemnomorskoy politiki Yevrosoyuz: put' ot sotrudnichestva k integratsii* [Evolution of the Mediterranean policy of the European Union: the path from cooperation to integration]. Moscow: IMEMO RAS. 122 p. (In Russian).
34. Urnov A.Yu. (2022) Politika SSHA v Afrike k Yugu ot Sakhary [US Policy in Sub-Saharan Africa]. *Uchenyye zapiski Instituta Afriki RAN* [Scientific Notes of the Institute of African Studies of the Russian Academy of Sciences] 3(60): 6–25. (In Russian).
35. Vasil'ev A.M. (2012) *Afrika i vy'zovy XXI veka* [Africa and challenges of XXI century]. Moscow: Izd-vo Vostochnaya literatura RAN. 374 p. (In Russian).
36. Zelenev E.I., Soloshcheva M.A. (2022a) Kitay v Afrike: ot stran-partnerov k stranam-posledovatelyam. Chast' 1 [China in Africa: From Partner Countries to Follower Countries. Part 1]. *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa Today] (7): 12–21. DOI: 10.31857/S032150750020973-2. (In Russian).
37. Zelenev E.I., Soloshcheva M.A. (2022b) Kitay v Afrike: ot stran-partnerov k stranam-posledovatelyam. Chast' 2 [China in Africa: From Partner Countries to Follower Countries. Part 2]. *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa Today] (8): 12–21. DOI: 10.31857/S032150750020973-2. (In Russian).